

«Театром Райкина» называют Государственный театр миниатюр, им руководит знаменитый артист, человек с тысячным лицом — народный артист СССР Аркадий Райкин.

Недавно эта фамилия появилась на афише нового спектакля — «Импровизации в двух частях. Лица». Но... Аркадий Райкин в нем не участвует. «Лица» — первая самостоятельная работа младшего представителя актерской династии — Константина Райкина и известного театрального режиссера Валерия Фокина.

Для взрослых серьезных человека, такая устойчивое положение в театре, бросающее в глаза море эстрады. Что побуждало их сделать такой выбор?

Фокин: Меня твои решения, Костя, не удивили. Я понял, что ты хочешь попробовать силы на «новой» территории. И я обрадовался, когда ты предложил мне поставить первый спектакль в Театре миниатюр с твоим участием.

Эстрада, в сущности, тот же драматический театр, только другая его грань, иная форма. Актеры напрямую обращаются к зрителям, и они становятся партнерами, соучастниками действия. Эстрада разрешает импровизацию, смешение жанров и стилей — уже есть опыт создания драматического и даже трагического представления.

Райкин: Однако тебя, вышедшего к добротной драматургии, поначалу насторожило отсутствие логически связанного сюжета в пьесе Михаила Мишина «Лица». Ты был прямо-таки напуган группой молодых актеров, пришедших в труппу с институтской скамьи, их неопытностью, «зеленостью».

Фокин: Но у ребят было большое достоинство: они жаждали дела, ими двигали энтузиазм, желание, азарт. В итоге создался ансамбль, без которого немислим театр. Я

не признаю звездного содружения — сцена интересна командой, единомышленников. Даже ты, хотя и ведешь несколько центральных интермедий, не один, а «один из...».

Райкин: И слава богу! У меня, пожалуй, самое сложное положение. Я ношу фамилию, на которую еще не имею права, просто она мне досталась

материн. Интеллигентный. А на сцене — беспощаден, осмеивая жутковат, халтур, вздорчиков. Сатира, бичуя мерзкое, отрицательное, одновременно высмеивает из нас хорошее, совершенства нравы, характеры, обычаи. Сатира — не судья, не прокурор, у нее свой кодекс чести, свои критерии.

Райкин: Мне пока маловато причислять себя к сатирикам, но знаю, что они легко ранимы, остро воспринимают недостатки жизни, ее негативные явления. «Лица» обличены в танцевально-музыкальную легкую форму, а посвящены серьезным проблемам. Спектакль утверждает истинную ценность для человека — дру

жбу так уж много! А как это показать? Как донести до зрителя, без которого театр мертва?

Театр — непременно сопереживание, соучастие. Театр — зал с невидимыми со сцены лицами дает актеру вдохновение. Но ведь и зритель разный. Есть ленивый, сонный. Не хочет будоражить себя, он пришел отдохнуть, развлечься. Наша задача — заставить его проснуться, заставить работать ум.

Фокин: Я бы сравнил актера с музыкантом, который играет на себе самом. Если он хорошо владеет всеми клавишами и струнами, инструмент звучит в полную силу. Партитура спектакля — первый и эмоция артиста. Вот почему мы уделяем столько внимания технике — мимике, голосу, жестике.

Райкин: Актер — человек вековой. По отношению к режиссеру он всегда позади, режиссер — главный в работе. Я благодарен тебе за то, что ты принес из драматического театра вкус, чувство формы, ощущение цельности спектакля.

Фокин: Я тоже доволен, что судьба постоянно сводит нас. С эстрадой я теперь связан крепко — хочется поставить классическую пьесу, драму. Почему бы и нет? Открытость эстрадной постановки, правдивость и раскованность формы дают большие возможности для расширения репертуара.

Театр миниатюр переехал из Ленинграда в Москву, получил статус общесоюзного, увеличил труппу, и на его афише вскоре появятся новые постановки.

Райкин: Я бы хотел, чтобы мы и впредь работали вместе. Тема человеческого общения неисчерпаема. Узнать друг друга можно только трата себя, проникаясь заботами и болью других.

Диалог записала корреспондент АПН

Елена ЗОНИНА.

«Смеясь, исправлять нравы»

Диалог актера и режиссера

от рождения. И она ко многому обязывает. Считают, сын Аркадия Райкина застрахован от ошибок, без конца сравнивают с отцом, а мое спасение — в непохожести. Вся сознательную жизнь учусь у отца трудолюбию, естественности игры, мастерству трансформации. Я не копирую его манеру, она принадлежит Аркадию Райкину, ему одному. И потому мне не грозит болезни зазнайства... Посмотрю на отца и вижу: мне надо работать, работать и еще раз работать. Пока я это осознаю, буду расти. В искусстве нельзя пытаться встать вровень с кем-то, надо стараться быть лучше самого себя. Тогда, может быть, станешь лучше других. Эту, казалось бы, простую истину мне помог понять отец.

Фокин: Не только тебе — всем нам. Как художественный руководитель театра он много сделал для нас: принял в труппу дебютантов, еще не зная, что они способны, дал возможность год (!) работать над спектаклем, в котором не участвовал; не вмешиваясь в ход репетиций, хотя рисковал, понимая, что мы экспериментируем. Его помощь была ненавязчивой, советы деликатными.

Райкин: Да, в жизни он —

Фокин: А их не все разделяют. Люди, меняющие свое мнение с поδειжностью флюгера, могут стать общественным бедствием, но неподсудны; бездушные, нежелающие помочь, косно мыслящие могут испортить жизнь — но формально — не наказуемы. Как бороться с этими нравственными (вернее, безнравственными) явлениями? Вот тут на помощь приходит смех. Он расширяет и откровенности, обезоруживает, очищает. Люди смеются и по сторонам поглядывают: про кого это? Неправом, грешная мысль возникает: может, про меня?

Работая над спектаклем, мы много думали: ради чего смеяться? Чего хотим достичь, высмеивая болтунов и поклонников «легкой любви», спекулянтов и зашоренных ортодоксов? Если у тебя болит душа, когда видишь плохое, если хочешь это плохое искоренить, то сатирическое слово становится твоим оружием. Это не злопытательское брюзжание и не взгляд со стороны: вы посмотрите — а я не при чем, я, вроде, на Марсе живу. У подлинной сатиры видна боль — твоя, личная. Недаром сатирики — люди грустные.

гой человек, взаимность, понять друг друга — самая большая радость, никакие другие не сравнятся с ней.

Фокин: Мы говорим обо всем, что мешает найти путь друг к другу — о вещах, растлевающих душу, о корыстных отношениях, уродующих людей, хамстве — неприкрытом и заключенном в корректные рамки... Вспоминаю, как на одной из репетиций Аркадий Исаакович Райкин рассказывал: однажды дотошный зритель его терзал — что вы все о плохом да о плохом, хорошего, что ли, нет ничего?

— Вот вы пришли в театр, — ответил Райкин, — с кривым лицом: зуб болит. А врач: «Так один же зуб-то! Остальные 31 в порядке». И отправил домой. Что делать будете? Небось, натами затопчете, на такого лекаря? Так вот, сатира то же врачевание: хоть один зуб болит, а лечить надо, а то и вырвать, если он остальные портит.

От человека, чтобы он имел право называться таковым, не так уж много требуется: обладать чувством стыда, уметь воздавать славу совести, поклоняться бескорыстию и не подавать руки бесчестному.

Райкин: Легко сказать — не